

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.5>

UDK 811.35.4
LBC 80/84

Submitted: 08.02.2025
Accepted: 05.06.2025

THE TYPOLOGICAL STATUS OF THE NAKH LANGUAGES

Nina M. Barakhoeva

Ingush State University, Magas, Russia;
Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

Abstract. The article describes the features of the manifestation of agglutinative and inflective ways of forming linguistic units (words, word forms, phrases, and sentences) in the Nakh languages in order to clarify the morphological type of these languages. The analysis is conducted at the phonetic, morphemic, morphological, word-formation, and syntactic levels of the language. Traditionally, the Nakh languages are classified by linguists as affixing languages, as one of the main methods of form and word formation is affixation. The study showed that the languages under consideration demonstrate signs of agglutination as the dominant method of form- and word formation: multifunctional affixes, affixal word formation, suffixal word inflection, phonetic changes of sounds at the junction of morphemes, clearly defined boundaries between morphemes, and the absence of personal verb conjugation. At the same time, signs of inflection (analyticity, syntheticity) were found. It has been established that inflection in the Nakh languages is a phenomenon of a later origin than agglutination, and that analyticity preceded syntheticity, the emergence of analyticity in the Nakh languages is due to the presence of a large number of verbal nominal forms, function words, and affixed words. Since the Nakh languages are characterized by both agglutinative (to a greater extent) and inflectional methods of form- and word formation, we consider it appropriate to classify them as affixing agglutinative-inflectional languages.

Key words: morphological classification of languages, types of languages, affixing languages, agglutinative languages, inflective languages, analyticity, syntheticity, Nakh languages.

Citation. Barakhoeva N.M. The Typological Status of the Nakh Languages. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Языкоzнание* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 62-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.5>

УДК 811.35.4
ББК 80/84

Дата поступления статьи: 08.02.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Nina Mustafayevna Barakhoeva

Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия;
Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия

целью уточнения морфологического типа данных языков. Анализ проведен на фонетическом, морфемном, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях языка. Традиционнолингвисты относят нахские языки к аффиксирующим языкам, поскольку одним из основных способов формо- и словообразования в них является аффиксация. Исследование показало, что рассматриваемые языки демонстрируют признаки агглютинации как доминирующего способа формо- и словообразования: многофункциональные аффиксы, аффиксальное словообразование, суффиксальное словоизменение, фонетические изменения звуков в местах стыка морфем, четко выраженные границы между морфемами, отсутствие личного глагольного спряжения. При этом обнаружены признаки флексирования (синтетизма и аналитизма). Установлено, что флексирование в нахских языках имеет более позднее происхождение, чем агглютинация, а аналитизм предшествует синтетизму. Показано, что развитие аналитизма в нахских языках обусловлено наличием в них большого количества глагольных именных форм, служебных слов, аффигированных слов. Поскольку синхронно нахским языкам свойственны агглютинативный (в большей степени) и флексивный способы формо- и словообразования, считаем целесообразным классифицировать их как аффиксирующие агглютинативно-флексивные языки.

Ключевые слова: морфологическая классификация языков, тип языков, аффиксирующие языки, агглютинативные языки, флексивные языки, аналитизм, синтетизм, нахские языки.

Цитирование. Барахоева Н. М. Типологический статус нахских языков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоизнание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 62–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.5>

Введение

Проблема построения типологической классификации языков имеет научную традицию, восходящую к трудам классиков языкоизнания Ф. и А. Шлегелей, В. фон Гумбольдта, Ф.Ф. Фортунатова, Р. Якобсона, И.И. Мещанинова.

Одной из последовательно развивающихся до настоящего времени является морфологическая классификация языков, нацеленная на определение общих и специфических черт естественных языков на основе свойств их грамматических структур через установление особенностей строя естественных языков. При этом анализируются признаки морфологического строения слов, особенности и способы комбинирования морфем в словах, функции аффиксов в построении словоформ и в выражении грамматических значений слов [Гумбольдт, 1984; Рождественский, 1969; Сепир, 1993; Фортунатов 1956; Якобсон, 1985].

Анализ научной литературы позволяет нам констатировать отсутствие единого мнения о точном количестве типов языков и критерии их установления. Традиционно выделяются четыре морфологических типа языков: изолирующий, флексивный, агглютинативный и инкорпорирующий. Флексивные и агглютинативные языки при этом рассматриваются как аффиксирующие. Ф.Ф. Фортунатов, указывая на существование выше названных

морфологических типов языков, ввел понятие флексивно-агглютинативных языков, в которых основы слов имеют «формы, образуемые флексиями основ, хотя отношение между основой и аффиксом... такое же, как и в языках агглютинативных...» [Фортунатов 1956, с. 154].

В аспекте типологического статуса исследовательский интерес представляют нахские языки, по-разному характеризующиеся лингвистами: в работах, посвященных общим вопросам типологии, нахские языки определяются как агглютинативные (см., например: [Климов, Алексеев, 1980, с. 210]), а в научных публикациях, посвященных исследованию различных сторон системы кавказских языков отмечается, что «нахские и дагестанские языки совмещают признаки агглютинации и флексивности, при этом флексивная тенденция в них, в целом, выражена сильнее, чем во всех других иберийско-кавказских языках» [Халидов, 2016, с. 41]. В связи с этим представляются необходимыми конкретизация содержания понятий агглютинации и флексирования как критериев, на которых основано выделение языкового типа, определение зоны функционирования агглютинации и флексирования в нахских языках. Кроме того, считаем, что недостаточно изучены указанные техники построения языковых единиц в исследуемых языках, а также не выявлены особенности комбинирования агглютинации с другими способами словообразования и формообразования.

Материал и методы

Для определения типологического статуса нахских языков нами исследован материал ингушского, чеченского и бацбийского языков. Для удобства изложения за основу описания взят ингушский язык, при характеристике различий между языками для сравнения приводится материал чеченского и бацбийского языков.

Всего проанализировано более 600 единиц (среди них слова и формы слов, словосочетания и предложения), образованных посредством агглютинации, а также содержащих маркеры флексивного способа слово- и формообразования.

Языковой материал для статьи извлечен из переводных словарей (ингушско-русского, русско-ингушского, чеченско-русского, русско-чеченского, цховско-тушинско-грузинско-русского), орфографических словарей ингушского и чеченского языков (см. список словарей). В работе нами использованы также материалы научных исследований в области теории языкоznания и кавказоведения, посвященных формально-грамматической и функционально-грамматической характеристике словообразовательного, морфологического и синтаксического строя нахских языков [Баркинхеева, Хайрова, 2007; Чрелашвили, 2007; Халидов, 2010; Барахоева, Илиева, Хайрова, 2012; 2020].

Для реализации поставленных в статье задач мы пользовались описательным методом. В целях раскрытия специфики действующих в нахских языках агглютинации и флексивирования как способов соединения морфем и компонентов слов, в работе мы опирались на характерологический метод. Для выявления языкового типа нахских языков применялся метод типологического анализа. Кроме того, были задействованы методы морфемного анализа и приемы установления словообразовательных связей.

Результаты и обсуждение

В работе мы опираемся на морфологическую классификацию языков, на основании которой по различным способам сочетания морфем, передающих грамматические значения, выделяются три языковых типа: изоли-

рующие, аффиксирующие (флексивные и агглютинативные, поскольку и те, и другие используют аффиксацию в слово- и формообразовании), инкорпорирующие языки. Аффиксирующие языки отличаются наличием словоизменения. В них высока роль аффиксов. Исходя из того, что характер связи между аффиксом и корнем и реализуемая аффиксом семантика могут быть разными, аффиксирующие языки делят на флексивные и агглютинативные.

В нахских языках совмещаются признаки агглютинации и флексивности.

Специфическим признаком флексивирующих языков является многофункциональность аффиксов. В нахских языках, например, флексия *-a* в системе склонения имен существительных реализует грамматические значения ед. числа (инг. *лаьтта* «земля»), родительного падежа ед. числа (инг. *кIаьнка*, чеч. *кIанта* «мальчика»), начальную форму качественного прилагательного (инг. *хоза* «красивый», чеч. *хаза*); «внутренняя флексия», указывающая на грамматическую форму слова (инг. *ала* – *оал* «говорить» – «говорит»; чеч. *лам* – *ломан* «гора – горный»); а также немалое количество типов склонения имен существительных, при этом принципы их классификации (семантические или фонетические) характеризуются значительной сложностью в определении. Данная особенность выражается в отсутствии четкой системы критерии для выделения типов склонения, размытости границ между типами склонений, взаимопроникновении семантических и фонетических признаков, существовании большого количества исключений из существующих правил. В нахских языках данная ситуация усугубляется наличием обширной системы падежей, сложной морфологии имени существительного, исторически сложившихся особенностей словоизменения и специфических фонетических процессов.

Флексивные языки подразделяются на синтетические и аналитические. Нахские языки в своем строе демонстрируют признаки как синтетических, так и аналитических языков.

Агглютинация характеризуется в языкоznании как один из способов образования лексем и грамматических форм слова «присоединением к концу корня или образованной от

него словоформы – основы, уже включающей некоторое число суффиксов, лексемообразовательных и/или словоизменительных показателей и “суффиксов” – морфов» [Гузев, Бурыкин, 2007, с. 110].

В данной работе при анализе особенностей проявления агглютинативности в нахских языках мы базируемся на перечне основных агглютинативных признаков языка, установленных Б.А. Серебренниковым: гармония гласных, твердый порядок слов в словосочетаниях, присутствие в языке развернутых причастных определений, многообразие способов образования суффиксов, тенденция к однозначности аффиксов. При этом ученый указывал, что для уточнения значения одного суффикса может быть использован другой, из-за чего возникают «целые гирлянды суффиксов» [Серебренников, 1965, с. 13–20].

Как и в других агглютинативных языках, в нахских языках широко применяются суффиксальная и префиксальная агглютинация. Суффиксальная агглютинация является способом и словообразования, и словоизменения. Префиксация представлена в системе глагола, словосложение – в системе имен и глагола: на основе агглютинации сополагающиеся лексемы, корни слов стягиваются, образуя новые слова. Так возникают, например, сложные слова детерминативного типа: инг. *бочабIар* «грецкий орех» = *боча* «лелемый» + *блар* «орех»; инг. *готахъазилг* «трясогузка» = *гота* «пахота» + *хъазилг* «птичка», а также сложные слова на основе парных причастий, деепричастий, прилагательных типа *водаши-воагIаши* «навещающий» (дословно «уходящий-приходящий», *могаши-маьриша* «успешный, удачливый» (дословно «здоровый-свободный»); слова с копулятивами: *кулг-ког* «конечности» (дословно «рука-нога»), *данана* «родители» (дословно «отец-мать»), *тишиа-воша* «родные, родственники» (дословно «сестра-брать»), *хъаша-да* «гости» (дословно «гость-отец»).

Как проявление агглютинации в нахских языках рассматриваем наслойение суффиксов в случаях, когда аффиксы следуют в словоформе один за другим, например, при образовании имен существительных типа *деша* – *деша-р* – *деша-р-хо* – «учиться – учение – ученик», *кулг* – *кулг-ал* – *кулг-ал-хо* – «рука – руководство – ру-

ководитель», *Ишма* – *Ишма-н* – *Ишма-н-ча* – «наука – научный – ученый».

Агглютинативная суффиксация также широко применяется при словоизменении, формообразовании, построении словосочетаний и предложений, что свидетельствует об однотипности способов образования грамматических форм внутри одной части речи.

Для нахских языков характерен мономорфизм: формативы – служебные морфемы – выражают лишь одно грамматическое значение. Например, образование формы прошедшего времени в нахских языках происходит наращением однотипных аффиксов к основам слов без изменения их грамматической относительности: *ала* – *оала-р* – *аъл-ар* – *аън-н-ад* – *аън-на-дар* – «говорить – говорил – сказал – сказал когда-то», *ваха* – *вах-ар*, *вах-ав*, *вах-ав-ар* – «йти – уходил – ушел – ушел когда-то», *латта* – *латт-ар*, *латт-ав* – *латт-ав* – *латтт-ав-ар* – «стоять – стоял – стоял – стоял когда-то». Здесь производная словоформа может выражать только одно грамматическое значение времени (прошедшее время – прошедшее очевидное несовершенного вида и совершенного вида, близкое прошедшее – перфект, давнопрошедшее – плюсквамперфект). При этом следует отметить, что в нахских языках сегодня начинает развиваться тенденция кумуляции нескольких грамматических значений при образовании новых грамматических форм (признак флексивности). Так, кумулятивное выражение категорий темпоральности, модальности, эвиденциальности, аспектуальности обнаруживается в аналитических формах ингушского глагола типа *ваха хиннав* – «ушел оказывается», где совмещаются значения предпрошедшего времени, удаленного действия и эвиденциальности – выражение опосредованного типа информации, заглазности действия. По нашему убеждению, это является отображением особенностей реализации предикативности на уровне глагольного сказуемого и подтверждает существующее в лингвистике мнение о том, что, очевидно, нет естественных языков, для которых характерны признаки лишь одной тенденции развития языков – агглютинативной или флексивной.

В современных нахских языках обращает на себя внимание наличие первичных и

вторичных аналитических форм глагола. В качестве первичных нами рассматриваются (синхронно функционирующие уже в виде синтетических глагольных форм прошедшего времени) формы, образовавшиеся в определенный исторический период становления нахских языков в результате агглютинативного сращения соположенных рядом причастно-деепричастных форм основного глагола и вспомогательного элемента, и перехода аналитической формы в синтетическую. Это отражено в структуре следующих форм: *алина да* → *аынна да* → *аынна-да* → *аыннад* «сказал»; *вахна-вар* → *вахавар* «ушел», *сацна да* → *сецна-да* → *сецад* «остановился». Здесь происходит преобразование грамматической семантики исходного глагола, полная лексическая десемантизация вспомогательного глагола *-да* (в, й, б), ставшего позже морфемой *-д*, *-дар*, маркирующей формы прошедшего времени перфекта и плюсквамперфекта: *аынна-д*, *аынна-дар*. Такое образование форм прошедшего времени в нахских языках характерно только для ингушского глагола. На фоне имеющихся первичных аналитических форм в современных нахских языках функционируют аналитические конструкции той же структуры – причастно-деепричастная форма прошедшего времени исходного глагола + вспомогательный глагол *-да*, *-дар*: *дийша да* «прочитано есть», *ваха вар* «ушедший был», *сеца латт* «остановившись стоит», *дIаделла до-алл* «закопано находится». Это так называемые конструкции со значением результативности действия, не подвергшиеся до конца процессу грамматикализации, так как в этих конструкциях вспомогательный элемент частично или полностью сохраняет свою семантику.

В нахских языках имеются и вновь образовавшиеся вторичные аналитические формы типа причастно-деепричастная форма + вспомогательные глаголы, полностью десемантизирующиеся в составе аналитической формы: *водаш латт* «идет – идущий есть (в процессе)», *яздеш латт* «пишется», *дешаш латт* «читается», *яздеш воалл* «пишет (конкретно в данный момент)», *яздеш хул* «пишет (повторяющееся действие)» (подробно о них см.: [Барахоева, 2011, с. 17–43]).

Наличие столь широкого круга аналитических форм и конструкций в ингушском язы-

ке обусловлено, по нашему мнению, проявлением агглютинации как основного способа образования грамматических форм в языке, приводящего к слиянию грамматических и лексических значений составных элементов аналитической формы или конструкции в единое грамматическое и новое лексическое значения.

В лингвистике морфологическим признаком агглютинирующих языков считается наличие четко выраженных границ между морфемами: «Морфемный стык должен быть прозрачным и по возможности совпадать с границами слогоделения, а для предотвращения фузионных явлений при стечении как согласных, так и гласных должны использоваться разделительные... гласные и согласные, служащие “прокладками” ...между морфемами» [Мельников, 1971, с.126].

В нахских языках данная закономерность представлена рельефно. Суффиксальные морфемы нанизываются на корень или основу слова, не меняя структуры корня или основы, что проявляется и на уровне словообразования, и на уровне словоизменения: *деша* – «учиться, читать», *деша-р* «учение», *деша-р-хо* «ученик», *дешар-хо-чу-н* «ученика» (родительный падеж), *деша-р-хо-чу-н-на* «ученика» (дательный падеж) и т. д. Как видно из примеров, словообразовательные суффиксы и падежные аффиксы в нахских языках наращиваются на корень слова, а затем на основу слова поочередно, придавая лексеме новое лексическое или грамматическое наполнение. При этом окончание родительного падежа сохраняется во всех остальных формах падежной парадигмы слова.

Характерным признаком агглютинации в нахских языках является так же и то, что на морфемном шве часто происходят фонетические изменения. Это происходит, например, при образовании форм прошедшего времени глаголов типа *ала* – *аыннад* «говорить – сказал», *лела* – *лийннад* «ходить – ходил». Здесь происходит преобразование формы глагола в результате слияния причастно-деепричастной формы исходного глагола *аынна* с морфемой *-д* (изначально представлявшей собой служебный глагол *да* «есть»). Алгоритм данного грамматического новообразования в языке таков: исходная причастно-деепричастная

форма *алина* и вспомогательный глагол *-да* стягиваются, в результате этого звуки *л* и *н* в исходе основы взаимодействуют: звук *л* подвергается ассимиляции и переходит в звук *н*: *али-на-да* → *аиннаад* «сказал», параллельно происходит и палатализация гласного звука *а* → *ä* или выпадение согласного звука в глаголах типа *вах-н-а ва* → *вах-ä-в* «ушел», за счет чего полудолгий *ä* переходит в долгий *ä*. Следовательно, процесс сращения основы исходного глагола и вспомогательного глагола, теряющего самостоятельное лексическое значение и переходящего в словоизменительную морфему (аффикс) в ингушском языке, сопровождается ассимиляцией конечных звуков причастно-деепричастной формы исходного глагола.

В ингушском и чеченском языках спряжение глагола отсутствует: *аз деши* – «я читаю», *ла деши* – «ты читаешь», *цар деши* – «они читают». Во флексивных языках категории лица и числа чаще всего передаются едиными маркерами, которые некогда представляли собой личные или лично-притяжательные местоимения. Однако в агглютинативных языках данные маркеры либо отсутствуют, либо устанавливаются лишь при диахроническом анализе. В современных нахских языках встречаются глагольные парадигмы, в которых имеется маркировка формы множественного числа: *аха* «идти», *в-ода* «я (он) идет», *д-о-лх*, *б-о-лх* «мы идем, они идут», *алла* «лежать», *улл* «я (ты, он) лежит», *ухк* «мы (вы, они) лежат». Однако количество таких глаголов весьма ограничено. Случай, когда в парадигме глагола маркировано лицо, практически не встречаются в современных ингушском и чеченском языках, но представлены в современном бацбийском языке: *ас вуйтI-а-с* «я есть», *ахъ вуйтI-ахъ* «ты есть», *о вуйтI-о* «он есть» в виде вставленного в основу слова личного местоимения (см. об этом: [Дешериев, 1953, с. 84–85]). Отсюда следует, что ингушский и чеченский языки не имеют морфологически маркированных классифицирующих грамматических категорий. Классифицирующие грамматические категории класса, лица, одушевленности / неодушевленности (внутри категории класса), здесь проявляются при сочетании имени существительного или местоимения с определенными лексемами, имеющими показатели грамматического клас-

са в своей структуре (например, вспомогательным глаголом *-да* (в, *й*, *б*) «есть») или в контексте. В этом смысле данные категории можно квалифицировать как синтаксические. Однако, имеются исследования, свидетельствующие оrudиментарных классных показателях в системе нахских языков [Мальсагов, 1963, с. 151–153]. Данные показатели синхронно воспринимаются как часть корня слова, но, по мнению З.Г. Мальгасова, некогда представляли собой маркеры классной относительности существительных, в том числе, и к разряду одушевленных / неодушевленных, как например, в словах *й-иша* «сестра», *в-оша* брат, *б-ухъ* «вершина», *д-ухъ* «начало», *й-ухъ* «исток, начало», *б-укъ* «спина», *й-укъ* «середина», *д-укъ* «ноша, бремя» и т. п.

Следующей особенностью нахских языков, свидетельствующей об их агглютинативности, является наличие в данных языках самостоятельных и служебных морфем. Например, самостоятельные морфемы (корни слов) в ингушском языке могут функционировать без аффиксов, также, как и некоторые аффиксы могут существовать в качестве самостоятельных лексем, например, глаголы типа *далла* (в, *й*, *б*) «находиться», *дала* (в, *й*, *б*) «давать», *дита* (в, *й*, *б*) «оставить», *диса* (в, *й*, *б*) «остаться», *дакхха* (в, *й*, *б*) «вытащить» и другие могут выполнять функции формообразующих, словообразующих аффиксов в аналитических формах глагола, например: *дешаш воялл* «читая находится – читает») и сложных глаголах: *деладала* (в, *й*, *б*) «засмеяться», и использоваться как самостоятельные лексемы: *Цига коя воялл* из «Там во дворе он находится»; *Къоалам балар җо къаинка* «Карандаш дал он мальчику»).

Кроме того, в нахских языках ограничено супплетивное формообразование. Оно незначительно представлено в системе имен существительных: *саг – нах* «человек – люди», *воI – къонгаш* «сын – сыновья», *йоI – мекхарий* «дочь – дочери», *йис – асараши* «иней»; в системе глагольного словоизменения и словообразования: *яха – ала*, «говорить – скажи», *тоха – етта* «ударить – бить», *кхахъа – да* – «носить – принеси», *лега – дожса*, «падать – падай».

В нахских языках существует весьма широко развитая система глагольных форм:

имени действия – масдар (*алар* – «говорение»), причастий настоящего времени (*оала* – «говорящий»), причастно-деепричастных форм настоящего времени (*оалаши* – «говоря»), причастно-деепричастных форм прошедшего времени (*аьнна* – «сказанный, сказал»), деепричастий прошедшего времени (*аьлий* – «сказал»). Причем и причастия, и причастно-деепричастные формы настоящего и прошедшего времени могут в контексте выполнять одну и ту же функцию определения при имени существительном: *дика деша* (причастие) *кIаьнк* «хорошо читающий мальчик», *дика дешаши* (деепричастие) *кIаьнк* «хорошо читающий мальчик», *дика дийша кIаьнк* «хорошо читавший мальчик»). В силу этого обстоятельства мы рассматриваем указанные формы как причастно-деепричастные, подчеркивая отсутствие окончательной дифференцированности данных глагольных форм в нахских языках. Это свидетельствует, на наш взгляд, с одной стороны, о синкетизме форм в нахских языках. С другой стороны, о том, что наличие такой обширной системы причастно-деепричастных форм является причиной возникновения и столь развитой системы аналитических глагольных форм в нахских языках.

Кроме того, весьма велико количество так называемых глагольных форм с обстоятельственными значениями (*аьлча* – «когда скажешь», *оалашехь* – «как только скажешь», *аьллингехь* – «сразу после того, как скажешь», *оаландай* – «потому что говоришь» и т. п.).

В нахских языках распространены субстантивно-адъективные формы, то есть так называемые самостоятельные формы прилагательных (*хоза* – *хозавар* «красивый – тот, кто красивый», *дика* – *дикавар* «хороший – тот, кто хороший», *лакха* – *лакхавар* – «высокий – тот, кто высокий»), которые так же образуются в результате стяжения формы прилагательного с самостоятельной формой причастия вспомогательного глагола *да* (в, й, б) *-дар* (в, й, б).

В качестве одного из признаков агглютинации в ингушском языке нами рассматривается также наличие в нем форм выражения категорий каузатива и декаузатива. Эти формы представляют собой яркий пример деривационных непоследовательно-коррелятивных грамматических категорий и свидетельствуют

ют о нечеткой дифференцированности словообразования и формообразования в нахских языках. Аффиксами каузатива выступают аффиксы или аффигированные глаголы типа *-де* (й, в, б) «делать» (*саца – соца-де* «остановиться – остановить»), *дита* (в, й, б) «оставить» (*латта – латтийта* «стоять – дать, позволить стоять»), показателем декаузатива выступает аффигированный глагол *дала* (в, й, б) – «дать» (*кагдала* – «сломаться», *цедала* – «покраснеть»).

В нахской глагольной словоформе иногда могут присутствовать два маркера каузатива, отражающих преобразования действия, выраженного корнем исходного глагола. Каузативные аффиксы следуют один за другим, располагаясь за корнем исходного слова. В этом случае оба выше указанных аффигированных глагола принимают участие в образовании каузатива от исходного глагола, создавая дважды каузированные глаголы типа *саца – соца-де – соца-д-айта* – «остановиться – остановить – дать, позволить остановить».

Агглютинация нахских языков проявляется на уровне синтаксиса, прежде всего – в порядке слов. При исходном порядке слов в атрибутивных, детерминативных словосочетаниях, как правило, уточняющее предшествует уточняемому: *доаккха цIа* «большой дом», *зIамига йиIиг* «маленькая девочка», *лакха лоам* «высокая гора», *готта наIараи* «узкие двери» и т. п. В словосочетаниях с прямым дополнением грамматическое дополнение предшествует сказуемому: *кавхат язду* – «пишу книгу», *книжка деш* – «читаю книгу», *болх бу* – «делаю работу», грамматическое обстоятельство так же предшествует сказуемому: *дика деш* – «хорошо учится», *хоза язду* – «красиво пишет».

Данный порядок слов, свойственный агглютинативным языкам, в нахских языках соблюдается практически неукоснительно, за исключением случаев, когда изменением порядка слов необходимо подчеркнуть какой-либо оттенок эмоционального восприятия описываемых событий типа: *Аз дика деш* «Я учусь хорошо»; *Деш-хьона аз-м дика* «Учусь-то я хорошо» или же для передачи каких-либо грамматических признаков, например, залоговых: *книжка деша – деша книжка* «книжка читается – читаемая книжка».

В нахских словосочетаниях и предложениях отсутствует выраженное грамматическое флексивное согласование между элементами синтаксической единицы. Рассмотрим два типа словосочетаний.

Первый тип – это определительные словосочетания существительных: *домо йаг* «серебряная ложка», *дахчан кад* «деревянная миска», *аышкан наIараши* «железные двери». Их характерной чертой является наличие двух существительных, одно из которых выступает определением к другому. При этом никаких элементов согласования определения с определяемым словом мы не находим, кроме аффиксов родительного падежа: *-о*, *-ан*. Данные аффиксы сегодня в языке выступают лишь показателями того, что тот или иной предмет произведен из какого-либо материала или предмета. Приобретая абстрактное значение, существительное в родительном падеже перешло в разряд относительных прилагательных, но не имеет никаких собственных формальных показателей словоизменения в составе определительного словосочетания, что ярко проявляется при склонении словосочетания: *дошио глоz* «золотое кольцо», *дошио глоz-а-ра*, *дошио глоz-а-рв*, *дошио глоz-а-р-ца* и т. д. По падежам изменяется определяемое существительное, форма же относительного прилагательного неизменна.

Второй тип словосочетания в нахских языках характеризуется наличием аффикса принадлежности у компонента, выступающего в качестве определения: *веш-ий цла* – «брата дом», *кльянк-а къоалам* – «мальчика карандаш», *наян-а коч* – «матери платье», *ийиш-ий тIехкар* – «сестры пояс». Аффикс принадлежности (аффикс родительного падежа) выражает посессивный признак, который после абстрагирования от основного содержания может привести к преобразованию формы родительного падежа имени существительного и переходу его в разряд относительных прилагательных. Однако такая абстракция возможна, на наш взгляд, в тех словосочетаниях, в которых существительное, выражающее посессию, имеет регулярное употребление в значении характерного и постоянного признака предмета. Например, *берий гIар* «детский шум», *наьна доз* «материнское сердце», *ийий безам* «девичья любовь», *наьна мотт* «ма-

тери язык, родной язык». Отметим, что незначительное количество относительных прилагательных в современных нахских языках, вероятно, объясняется именно тем, что процесс абстрагирования значений принадлежности, отнесенности одного предмета к другому ограничен отсутствием полностью грамматикализованных аффиксов, свидетельствующих о кардинальном изменении значения имени существительного – предметности, на признаковость и переход в разряд прилагательных.

Как и в других агглютинативных языках, в нахских языках широко распространены предложения с так называемыми обстоятельственными формами глагола, представляющими действия как некие обстоятельства, которыми сопровождаются основные события, передаваемые в предложении: *Хье дIакхачача, хъаалалахъ* «Как только доедешь, сообщи»; *Къамаыл даь воаллашехъ, дIавахар из* «Как только закончил говорить, он ушел»; *ЦИ, ломалушехъ а, дIаяира* «Огонь, едва вспыхнув, погас». Наличие такого рода обстоятельственных глагольных форм, на наш взгляд, является причиной неразвитости системы сочинительных и подчинительных союзов в нахских языках.

Мы предполагаем, что в нахских языках до начала контактов с русским языком отсутствовали сложные предложения и, следовательно, союзы как средство связи в сложносочиненном и сложноподчиненном предложении. Сегодня тенденция к агглютинации выступает основной характеристикой грамматического строя нахских языков, которая обнаруживается на фонетическом, морфемном, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

Выводы

Нахские языки показывают практически все характеристики агглютинативности: многофункциональность аффиксов, использование суффиксального и префиксального способов словообразования, активное использование суффиксального способа словоизменения – наращение суффиксов и аффиксов (строго последовательно друг за другом) к корню или основе слова при образовании слов и форм слов, фонетические изменения и гласных и со-

гласных звуков на стыках морфем, наличие четко выраженных границ между морфемами, отсутствие спряжения глагола, наличие самостоятельных и служебных морфем, наличие развитой системы глагольных имен действия и обстоятельственных форм глагола, а также форм каузатива и декаузатива, строгий порядок слов в словосочетаниях; ограниченность относительных прилагательных и проблематичность их идентификации; отсутствие выраженного грамматического флексивного согласования между элементами синтаксической единицы.

Одновременно с агглютинацией в нахских языках отмечены признаки флексивности: наличие синтетических форм, развитой системы аналитических форм, изменение корневых звуков слов, кумулятивное выражение некоторых грамматических значений.

Нахские языки, будучи аффиксирующими агглютинативными языками, демонстрируют признаки синтетичности и аналитичности в образовании слов и грамматических форм.

Результаты анализа показывают, что реализация признаков аналитичности и синтетичности в нахских языках подчинены правилам агглютинации (стяжения первичных аналитических форм и их переход в синтетические формы, параллельное образование новых аналитических форм и конструкций).

Однозначно ответить на вопрос, является ли данный этап развития нахских языков переходным к флектирующему типу языков, сложно. Однако сегодня нахские языки обнаруживают признаки агглютинативных и флексивных языков, что, по нашему мнению, позволяет считать нахские языки агглютинативно-флексивными аффиксирующими языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барахоева Н. М., 2011. Грамматические формы и категории глагола (На материале нахских языков). Нальчик : Тетраграф. 312 с.
- Барахоева Н. М., Илиева Ф. М., Хайрова Р. Р., 2012. Современный ингушский язык. Морфология. Нальчик : Тетраграф. 557 с.
- Барахоева Н. М., Илиева Ф. М., Хайрова Р. Р., 2020. Современный ингушский язык. Морфемика. Словообразование. Магас : Кеп. 367 с.

Баркинхоеева З. М., Хайрова Х. Р., 2007. Проблемы синтаксиса ингушского языка. Нальчик : Республика. полиграф. комбинат им. Революции 1905 г. 229 с.

Гузев В. Г., Бурыкин А. А., 2007. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 3, ч. 1. С. 110–117.

Гумбольдт В., 1984. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкоznанию. М. : Прогресс. С. 37–297.

Дешериев Ю. Д., 1953. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 393 с.

Климов Г. А., Алексеев М. Е., 1980. Типология кавказских языков. М. : Наука. 304 с.

Мальсагов З. К., 1963. Грамматика ингушского языка. Грозный : Чеч.-ингуш. кн. изд-во. 160 с.

Мельников Г. П., 1971. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М. : Наука. С. 121–137 с.

Рождественский Ю. В., 1969. Типология слова. М. : Высш. шк. 286 с.

Сепир Э., 1993. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкоznанию и культурологии. М. : Прогресс. С. 26–203.

Серебренников Б. А., 1965. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. ; Л. : Наука. С. 7–26.

Фортунатов Ф. Ф., 1956. Морфологическая классификация языков // Избранные труды. М. : Учпедгиз. Т. 1. С. 153–158.

Халидов А. И., 2010. Чеченский язык : Морфемика. Словообразование. Грозный : Кн. изд-во. 766 с.

Халидов А. И., 2016. О морфологической общности кавказских языков // Известия Чеченского государственного университета. Грозный : Изд-во Чеч. гос. ун-та. № 3. С. 39–53.

Чрелашвили К. Т., 2007. Цова-тушинский (бацбийский) язык. М. : Наука. 279 с.

Якобсон Р., 1985. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. Пер. с англ., нем., фр. яз. М. : Прогресс. 455 с.

СЛОВАРИ

Ингушско-русский словарь / гл. ред. Л. У. Тариева. Нальчик : Республика. полиграф. комбинат им. Революции 1905 г., 2009. 984 с.

Ингушско-русский словарь / под ред. А. С. Куркиева. Магас : Сердало, 2005. 544 с.

- Орфографический словарь ингушского языка / под ред. Р.И. Оздоева. Магас : Сердало, 1980. 414 с.
- Орфографический словарь ингушского языка / под ред. Л.У. Тариева. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2009. 728 с.
- Орфографический словарь чеченского языка / гл. ред. З.Д. Джамалханов. Грозный : Кн. изд-во, 2009. 302 с.
- Русско-ингушский словарь / под ред. И.А. Оздоева. М. : Рус. яз., 1980. 832 с.
- Русско-чеченский словарь / под ред. А.Т. Карасаева, А.Г. Мациева. М. : Рус. яз., 1978. 728 с.
- Чеченско-русский словарь / под ред. А.Г. Мациева. М. : ГИС, 1961. 629 с.
- Цховро-тушинско-грузинско-русский словарь / под ред. Д.Кадагидзе, Н.Кадагидзе. Тбилиси : Мецниереба, 1984. 935 с.

REFERENCES

- Barakhoeva N.M., 2011. *Grammaticheskie formy i kategorii glagola (Na materiale nakhskikh yazykov)* [Grammatically Forms and Categories of the Verb (Based on the Material of the Nakh Languages)]. Nalchik, Tetraphraph Publ. 312 p.
- Barakhoeva N.M., Ilieva F.M., Hajrova R.R., 2012. *Sovremennyi ingushskiy yazyk. Morfologiya* [Modern Ingush Language. Morphology]. Nalchik, Tetraphraph Publ. 557 p.
- Barakhoeva N.M., Ilieva F.M., Khayrova R.R., 2020. *Sovremennyi ingushskiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie* [Modern Ingush Language. Morphemics. Word Formation]. Magas, Kep Publ. 367 p.
- Barkinkhoeva Z.M., Khayrova Kh.R., 2007. *Problemy sintaksisa ingushskogo yazyka* [Problems of the Syntax of the Ingush Language]. Nalchik, Respublik. poligraf. kombinat im. Revolyutsii 1905 g. 229 p.
- Guzev V.G., Burykin A.A., 2007. *Obshchie stroevye osobennosti agglutinativnykh yazykov* [Common Structural Features of Agglutinative Languages]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistics Studies], vol. 3, pt. 1, pp. 110-117.
- Gumboldt V., 1984. *O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitiye chelovecheskogo roda* [On the Difference in the Structure of Human Languages and Its Influence on the Spiritual Development of the Human Race]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., pp. 37-297.
- Desheriev Yu.D., 1953. *Batsbiyskiy yazyk. Fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika* [The Bats Language: Phonetics, Morphology, Syntax, Vocabulary]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 393 p.
- Klimov G.A., Alekseev M.E., 1980. *Tipologiya kavkazskikh yazykov* [Typology of Caucasian Languages]. Moscow, Nauka Publ. 304 p.
- Malsagov Z.K., 1963. *Grammatika ingushskogo yazyka* [Grammar of the Ingush Language]. Groznyy, Chech.-ingush. kn. izd-vo. 160 p.
- Melnikov G.P., 1971. *Printsipy sistemnoy lingvistiki v primenenii k problemam tyurkologii* [Principles of Systemic Linguistics in Application to Problems of Turkology]. *Struktura i istoriya tyurkskikh yazykov* [Structure and History of Turkic Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 121-137.
- Rozhdestvenskiy Yu.V., 1969. *Tipologiya slova* [Typology of Speech]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 286 p.
- Sepir E., 1993. *Yazyk. Vvedenie v izuchenie rechi* [Language: An Introduction to the Study of Speech]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, Progress Publ., pp. 26-203.
- Serebrennikov B.A., 1965. *Prichiny ustoychivosti agglutinativnogo stroya i vopros o morfologicheskem tipe yazyka* [The Causes of the Stability of the Agglutinative System and the Question of the Morphological Type of Languages]. *Morfologicheskaya tipologiya i problema klassifikatsii yazykov* [Morphological Typology and the Problem of Language Classification]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., pp. 7-26.
- Fortunatov F.F., 1956. *Morfologicheskaya klassifikatsiya yazykov* [Morphological Classification of World Languages]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Uchpedgiz, vol. 1, pp. 153-158.
- Khalidov A.I., 2010. *Chechenskiy yazyk: Morfemika. Slovoobrazovanie* [Chechen Language. Morphemics. Word Formation]. Groznyy, Kn. izd-vo. 766 p.
- Khalidov A.I., 2016. *O morfologicheskoy obshchnosti kavkazskikh yazykov* [On the Morphological Commonality of the Caucasian Languages]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Chechen State University]. Groznyy, Izd-vo Chech. gos. un-ta, no. 3, pp. 39-53.
- Chrelashvili K.T., 2007. *Tsova-tushinskiy (batsbiyskiy) yazyk* [Bats Language]. Moscow, Nauka Publ. 279 p.
- Yakobson R., 1985. *Yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii* [Language in Relation

to Other Communication Systems]. *Izbrannye raboty. Per. s angl., nem., fr: yaz.* [Selected Works. Translated from English, German, French]. Moscow, Progress Publ. 455 p.

DICTIONARIES

Tarieva L.U., ed. *Ingushsko-russkiy slovar* [The Ingush-Russian Dictionary]. Nalchik, Respublik. poligraf. kombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2009. 984 p.

Kurkiev A.S., ed. *Ingushsko-russkiy slovar* [The Ingush-Russian Dictionary]. Magas, Serdalo Publ., 2005. 544 p.

Ozdoev R.I., ed. *Orfograficheskiy slovar ingushskogo yazyka* [The Spelling Dictionary of the Ingush Language]. Magas, Serdalo Publ., 2003. 414 p.

Tariev L.U., ed. *Orfograficheskiy slovar ingushskogo yazyka* [The Spelling Dictionary of the Ingush

Language]. Maykop, Poligraf-Yug Publ., 2009. 728 p.

Dzhamalkhanov Z.D., ed. *Orfograficheskiy slovar chechenskogo yazyka* [The Spelling Dictionary of the Chechen Language]. Groznyj, Kn. izd-vo, 2009. 302 p.

Ozdoev I.A., ed. *Russko-ingushskiy slovar* [The Russian-Ingush Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1980. 832 p.

Karasaev A.T., Matsiev A.G., ed. *Russko-chechenskiy slovar* [The Russian-Chechen Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1978. 728 p.

Matsiev A.G., ed. *Chechensko-russkiy slovar* [The Chechen-Russian Dictionary]. Moscow, GIS Publ., 1969. 629 p.

Kadagidze N., Kadagidze D., eds. *Tsova-tushinskogruzinsko-russkiy slovar* [Tsova-Tush-Georgian-Russian Dictionary]. Tbilisi, Metsnereba Publ., 1984. 935 p.

Information About the Author

Nina M. Barakhoeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Ingush Language, Ingush State University, Magas, Russia; Leading Researcher, Center for Nakh Studies, Chechen State Pedagogical University, Groznyj, Russia, nbarakhoyeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3289-5374>

Информация об авторе

Нина Мустафаевна Барахоева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры ингушского языка, Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия; ведущий научный сотрудник Центра нахских исследований, Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия, nbarakhoyeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3289-5374>